

ОЛЬГА
БАСКОВА

**САМОЕ СПРАВЕДЛИВОЕ
УБИЙСТВО**

Ольга Баскова

Самое справедливое убийство

«ЭКСМО»

2010

Баскова О.

Самое справедливое убийство / О. Баскова — «Эксмо», 2010

Убийство бизнесмена Корнийца едва ли опечалило кого-то. Всем хорошо известен его скверный характер и продажа за границу исследований своего научного руководителя. Однако застреленный тем же оружием, что и Корниец, господин Варин не имеет никакого отношения к науке. Жертв объединяет только владение акциями отеля «Золотое руно». Всего компаньонов пятеро. Сыщики Павел Киселев и Константин Сковорцов склоняются к самой логичной версии: один из хозяев избавляется от остальных. Однако вскоре под колесами машины погибают очередной член пятерки и... несколько женщин...

© Баскова О., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	33
Глава 15	38
Глава 16	39
Глава 17	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ольга Баскова

Самое справедливое убийство

Глава 1

Он поставил машину в гараж, закрыл тяжелую дверь и, вытирая пот со лба, зашагал в сторону дома. Мысли, мучившие его уже несколько дней, продолжали тесниться в голове. Неужели наступил конец его спокойной жизни? Конец его семейному счастью, которое однажды пришло к нему, как в сказке. Ну почему все навалилось на него теперь, когда он почувствовал себя самым счастливым человеком на Земле, когда сказал себе, что достиг всего, чего только может пожелать любой.

Он достал из кармана скомканный платок и вытер липкие от испарины руки. Нет, он не позволит разрушить созданное с таким трудом, он не допустит... В противном же случае он готов на все, даже на крайние меры. С трудом передвигаясь на ватных, непослушных ногах, он подходил к подъезду, пристально глядя на окна своей квартиры. В комнатах горел свет, и это его порадовало. Силуэт жены, хлопотавшей на кухне, четко вырисовывался на фоне гардин, и у него больно кольнуло в сердце. Нет, нет и еще раз нет! Они кретины, если думают, что он смирится, они просто круглые идиоты. Он будет бороться за свой семейный очаг, за ту, которая дала ему возможность поверить в себя. Бороться до конца...

Глава 2

Для Павла Киселева, отправившего жену с дочкой на отдых в Крым, наступили такие спокойные и скучные дни, что он не находил себе места и был страшно зол на Ларису, умовавшую в отпуск с Серегой именно в то время, которое он давно уже запланировал себе. Для любящих супругов нет ничего хуже, чем проводить отпуск раздельно. Сколько раз он уговаривал эту чертову Кулакову отложить отпуск, однако ничего не вышло. Самой Лариске было все равно, но ее мужу, преподавателю университета, полагалось уходить именно в это время, впрочем, как и его Насте, тоже преподавателю вуза. Хуже всего, что Лариска позаботилась о совместной поездке с мужем и заранее переговорила с Кравченко, а он, как лох, сидел и ждал неизвестно чего. Вот теперь и приходилось куковать, как говорится, кто не успел, тот опоздал. На работе наблюдалось некоторое затишье. Новых дел не было, да и в старых поставили точки. В выходные неутомимый Скворцов звал своего друга то на рыбалку, то на пикник, но Павлу не хотелось развлекаться. В отсутствие Насти он довольствовался телевизором и диваном по вечерам, а в субботу и воскресенье уезжал проводить родителей, равнодушно относясь к этому обманчивому затишью. В другое время Павел с ужасом ждал бы, что за этим последует: застой обычно чередовался с вереницей дел или одним делом, однако таким, что для его расследования приходилось забывать о сне, еде и прочем. И такое дело не заставило себя ждать. Звонок Константина раздался в воскресенье. Киселев еще стоял на пороге, только вернувшись от матери и не успев даже разуться. Этому обстоятельству приятель обрадовался:

– Вот и прекрасно, – пропел Скворцов, – быстрее увидимся. Труп у нас, мой дорогой. Все жаждают тебя.

Павел положил трубку, пожал плечами и, закрыв дверь, поехал по указанному адресу.

Глава 3

Анатолий Иванович Корниец лежал у распахнутой двери своей шикарной квартиры в элитном доме в луже крови. Кто-то довольно хорошо прицелился, и пуля угодила прямехонько в лоб, не оставив мужчине шанса выжить. Именно об этом подумал Павел, стоя над неподвижным телом, возле которого уже сутился Станислав Михайлович.

– Пока могу сказать только то, что вы и сами видите, – проговорил судмедэксперт, – стреляли с близкого расстояния.

– Покойный знал убийцу – это и коту понятно, – заметил Константин. – Более того, сам открыл ему дверь, впустил его. Иначе в дом не проникнешь: домофон.

– Значит, круг подозреваемых сузился до знакомых? – радостно улыбнулся Прохоров.

– Не вижу причин для радости, – отрезал Киселев. – По-моему, тебе пора уже знать, как тяжело искать любого убийцу. Дай бог, чтобы наш Корниец жил отшельником и список подозреваемых уместился на одной строчке.

– Вряд ли, – успокоил их Константин, когда они зашли в квартиру, – отшельники в такой роскоши не живут. Впрочем, Анатолий Иванович наверняка боялся, как бы о нем так не подумали, – оперативник указал на стену над внушительной двуспальной кроватью, увешанную фотографиями обнаженных и полуобнаженных женщин. – Боюсь, список будет просто огромен.

Павел внимательно осматривал большую четырехкомнатную квартиру. Кабинет покойного вызвал у него недоумение. В спальне сыщики наблюдали откровенную порнографию (кроме фото на стене, Прохоров отыскал видеокассеты и диски подобного содержания). В кабинете же царила совсем другая атмосфера. На стеллажах мирно стояли не дешевые бестселлеры в кричащих обложках, а научные труды по физике и масса справочников. Судя по обилию подобных книг, это вряд ли было хобби. Вероятно, покойный имел отношение к данной отрасли. Разумеется, Киселев не исключил того, что квартира могла достаться убитому по наследству и все это добро принадлежало когда-то его отцу или матери: дом как-никак элитный, в нем издавна селилось либо начальство, как гражданское, так и военное, либо представители науки. Правда, в последнее время некоторые обедневшие представители этой братии продавали квартиры предпринимателям. Так что Корниец вполне мог приобрести жилплощадь за деньги, но книги! При таком раскладе они должны были либо отправиться за своими владельцами, либо их сдали бы в макулатуру или выкинули на помойку. Нет, определенно, Анатолий Иванович имел какое-то отношение к физике.

– Ступай к соседке в пятнадцатую, к той, которая милицию вызвала, – распорядился Сковрцов, так же недоуменно взирая на полки с книгами, – мы с Прохоровым здесь все закончим.

Павел вышел на лестничную клетку и позвонил в дверь напротив, которая сразу же запахнулась. Видимо, хозяйка ждала, что ее обязательно посетят.

– Здравствуйте, – улыбнулся Павел сухонькой старушке, причем, очень чисто одетой и ухоженной: аккуратная стрижка, маникюр. – Я из уголовного розыска. – Он полез в карман за удостоверением.

– Не надо, – остановила его женщина, – я видела вас в глазок. Проходите в комнату.

Квартира соседки была не меньше квартиры Корнийца, правда, ремонт в ней, видно, не делали давно.

– Наталья Михайловна, – представилась пожилая дама. – Чай будете?

Только после этого предложения мужчина почувствовал, как голоден. Нет слов, мать накармила его на убой, но сколько времени прошло с тех пор?

– Спасибо, не откажусь, – улыбнулся Павел.

Старушка засеменила на кухню, а оперативник принялся разглядывать комнату своей собеседницы. В стареньком шкафчике за стеклом стояли фотографии нескольких мужчин и женщин, как молодых, так и пожилых, и детские снимки.

– Это мои родные, – сказала Наталья Михайловна, входя с чайником и вазочкой печенья, она явно поймала взгляд Киселева, – вот это папа, он был академиком, известным исследователем в области биологии, это мама. Как вы поняли, квартира досталась мне по наследству. А вот это мой покойный муж, вот дочка с зятем, внуки. Они сейчас проживают в Санкт-Петербурге. Вам крепкий?

Оперативник кивнул.

– Догадываюсь, о чем вы меня будете спрашивать. – Женщина аккуратно разливала чай. – Никогда в молодости детективами не увлекалась, я по образованию биолог и проработала до пенсии в научно-исследовательском институте, ну а на старости лет, оставшись одна... Телевизор, знаете, не смотрю: не хочу давления на ночь. Сейчас там такое показывают! То происшествия по городу – кровь, то стихийное бедствие или катастрофу – опять кровь, а уж фильм новый – там без этого никак не обойтись. Вот и увлеклась беллетристикой. Пробовала любовные романы – тьфу, секс один, да в таких подробностях, как будто любовь только в этом и заключается. Перешла на детективы, присмотрела себе парочку авторов наподобие Агаты Кристи. Так вот и отвлекаюсь, когда дурные мысли лезут в голову.

– Какие же дурные мысли? – поинтересовался Киселев, хрустя печеньем.

– О смерти, молодой человек, о смерти, – вздохнула бабушка. – Как говорят, так мало прожил и так много еще надо сделать!

– По-моему, вам рано еще об этом думать, – заметил Павел.

– Я тоже иногда так думаю, – вздохнула Наталья Михайловна, – да болезни напоминают о себе. Не было бы их, проклятых... – она сделала паузу. – А впрочем, я вас заговорила. Вы ждали от меня совсем другого рассказа. Только в поимке убийцы я мало чем могу помочь. Есть такие любопытные бабули, которые, чуть у соседа дверь скрипнет, – сразу к глазку: кто это там к нему пришел? Я к таким не отношусь.

– Значит, вы все-таки слышали, как дверь вашего соседа открылась? – Павел отставил кружку.

– Это слышала, – кивнула пожилая женщина, – а вот выстрела – нет.

– Можете приблизительно сказать, когда у соседа хлопнула дверь? – Киселев впился в нее глазами.

– Это могу сказать точно, – обрадовала его Наталья Михайловна, – я яйца всмятку варить поставила и все время на часы смотрела. Ровно в полшестого этот хлопок и раздался.

– Значит, больше вы ничего не слышали? – уточнял Павел.

– Нет, – покачала головой женщина. – А через полчаса Верочка с пятого этажа спускалась, она на него и наткнулась. Закричала не своим голосом, я быстренько дверь открыла, увидела Корнийца – и давай вам звонить.

– Вы хорошо его знали?

– Только-то? – Наталья Михайловна вздохнула. – Да, к сожалению.

– Почему же к сожалению? – поинтересовался Киселев.

– А потому, что негодяй ваш потерпевший. – Старушка с негодованием хлопнула ладонью по столу. – Я в Бога верю, а то бы сказала: поделом ему. Он-то Бога не боялся. Вы чай еще наливайте.

– Можно поподробнее? – Оперативник с удовольствием воспользовался предложением хозяйки и налил себе ароматного чаю.

– Можно и поподробнее, – собеседница снова вздохнула. – Мне будет тяжело, но я справлюсь. Тяжело, потому что речь пойдет о моей близкой подруге. – Она подошла к шкафчику

и вынула фотографию симпатичной пожилой улыбающейся женщины. – Это Мария Ивановна Сергеева-Клемма.

– Мария Клемма? – Мужчина с любопытством смотрел на снимок. – Та самая Клемма? Академик с мировым именем, профессор, доктор физических наук?

– Похвально, что вы о ней слышали, – улыбнулась Наталья Михайловна. – В наше время молодежь этим не интересуется, что для меня более чем странно. Разве мы не должны знать в лицо гордость нашего города? Согласитесь, великих людей у нас не так уж и много.

Павел кивнул, ничего не ответив. Имя Клемма было на устах всех средств массовой информации города еще пять лет назад. Киселев никогда не интересовался физикой, однако не пропускал интервью с этой женщиной, буквально впитывая в себя каждое сказанное ею слово. Он с восхищением взирал на мировую знаменитость и думал, сколько ей удалось сделать для науки, особенно для отечественной. Такие женщины всегда вызывали в нем восторг.

– При чем же тут Клемма? – оперативник вернулся к разговору.

– Я расскажу все по порядку, хорошо? – Старушка достала носовой платок и вытерла выступившие слезы. – Иначе потом мне трудно будет собраться с мыслями, отвечая на ваши вопросы.

Киселев в знак согласия махнул рукой.

– Маша Клемма была моей близкой подругой, – начала хозяйка. – К сожалению, наша дружба с ней длилась недолго: ровно два года назад Машеньки не стало. И познакомились мы с ней поздно. Я переехала в эту квартиру пять лет назад, когда умерла мама. Мой муж, чудесный человек, умер еще раньше. Дочь к тому времени давно уже вышла замуж и жила в Санкт-Петербурге у свекрови. Мой отец так и не смог смириться со смертью мамы, приходил ко мне каждый день, засиживался допоздна, вспоминая прожитые ими годы. От переживаний у него развился рассеянный склероз. Он стал говорить о матери в настоящем времени, ждал ее прихода, пребывая в своем мире, а когда возвращался в реальность, хотел покончить с собой. Его состояние меня встревожило, и я переехала к нему, поменяв свою квартиру на Санкт-Петербург и отдав ее дочери и внукам. Маша жила в этом же доме, но в другом подъезде. Однажды мы столкнулись при подходе к дому, папа поздоровался с ней и познакомил нас. Я была поражена! Передо мной стояла знаменитая Клемма, о которой я столько слышала и которой восхищалась. Помню, тогда подумала о том, что она очень привлекательна, со вкусом одета – в общем, далеко не синий чулок, как мы привыкли думать о подобных ей. После этой коротенькой встречи мы не виделись два года – вполне нормально для многоэтажки. Вторая наша встреча произошла в довольно неприятном месте: в поликлинике мы ожидали приема у гинеколога. Разумеется, мы сразу узнали друг друга: я и не могла ее забыть, а она обладала хорошей памятью. Мы сели рядышком и разговорились. Выяснилось, что мы проходим одинаковое лечение, у нас один и тот же диагноз и лечащий врач – Анна Петровна Белозерова, которая в недалеком будущем предрекала нам оперативное вмешательство, если ничего не изменится. После осмотра Маша пригласила меня в гости на чай, и я с радостью согласилась. Папа к тому времени уже умер, я ушла на пенсию, но к дочери ехать не хотела, хотя она постоянно звала меня. Знаете, я до фанатизма преданна нашему городу. Возможно, когда-нибудь я решусь переехать, однако мне нужен подготовительный этап, чтобы смириться с этой мыслью. Сейчас я почти готова к переезду. Вы, наверное, не представляете, как тяжело сидеть одной в пустой огромной квартире, где каждая вещь напоминает тебе о лучших годах твоей жизни, о близких тебе людях, которых ты никогда больше не увидишь.

Она снова поднесла платок к глазам.

– Простите меня за лирические отступления, – Наталья Михайловна улыбнулась Киселеву. – Это свойственно старикам. На чем мы остановились? Конечно, я приняла ее приглашение. За столом мы разговорились. Клемма много рассказывала о себе и своей семье. Ее предки – выходцы из Франции, перебравшиеся в Россию в пушкинскую эпоху. Эта фамилия

дала стране ученых, искусствоведов, писателей, поэтов, артистов, не забывавших, впрочем, и свою историческую родину: знать французский было для них обязательным делом. Мария вспоминала, сколько людей посещало дом ее родителей, а французскому ее обучали, можно сказать, с пеленок. И тут грянула Великая Отечественная. Отец отправился на фронт, хотя его, известного ученого, оставляли в тылу. Он погиб в первые месяцы войны, и мама решила переехать к бабушке в Ленинград. Жестокая блокада унесла жизни обеих женщин. Девочка чудом выжила в пустой холодной квартире: ее случайно обнаружила зашедшая к ним соседка. Потом в детдоме Марии рассказывали: она старалась согреться, прижавшись к окоченевшему телу матери. Война словно острым плугом прошла по этой некогда счастливой и большой семье. Позже, уже будучи взрослой, Клемма пыталась разыскать родственников, но безуспешно. Она осталась одна-одинешенька на всем белом свете. Знаете, Маша – очень открытая натура. Таким людям трудно переживать одиночество. И когда в детдоме она встретила родственную душу – Колю Сергеева, то была несказанно счастлива. Детская дружба переросла в любовь, и они поженились сразу после окончания института. Николай, как и его жена, физик по образованию, мог часами просиживать на работе и говорить о любимой науке.

– Ты не представляешь, сколько у нас с Колей было общего, – рассказывала она мне.

Имя доктора физических наук, профессора Сергеева, конечно, не так известно, как имя его жены, но его знают все, кто соприкасается с физикой. Впрочем, известность, стремление к славе никогда не волновали талантливых молодых ученых. Им нравилось заниматься исследовательской деятельностью, и они рука об руку шли к новым научным открытиям, одновременно защищая кандидатские и докторские. Когда защитилась Маша, Николай пригласил жену в самый респектабельный ресторан, сказав, что у него к ней есть очень важный разговор.

– Знаешь, Маша, – проговорил он, разливая по бокалам шампанское, – я подумал и пришел к выводу: на время нам надо остановиться.

– Как остановиться? Почему? О чем ты говоришь? – не поняла Клемма.

– Ты еще не забыла, сколько нам лет? – улыбнулся Николай. – Наука может подождать, а годы – никогда. Поэтому мы должны подумать о ребенке.

Маша потупилась. Действительно, в этой суете им некогда было поразмыслить о детях. Разумеется, Николай прав. За плечами уже тридцатник. Пора остановиться.

– Ты у меня умница. – Она погладила руку мужа. – Кого ты больше хочешь – девочку или мальчика?

– Хочу, чтобы ребенок был похож на тебя, – рассмеялся Николай.

Машенька рассказывала, что никогда еще не чувствовала себя такой счастливой, как в тот вечер. Вернувшись из ресторана, они почти до утра проговорили о будущем ребенке и, довольные, быстро заснули, не подозревая, что беда уже поджидает их. На следующий день Марию вызвали в поликлинику и сообщили результаты очередного профосмотра мужа. Диагноз поверг ее в шок: Николаю ставили рак крови.

– Тогда врачи были гуманнее, – заметила Наталья Михайловна. – Они ничего не хотели сообщать больному, не посоветовавшись с его женой.

– Я почувствовала, как внутри меня что-то оборвалось, – рассказывала Мария. – Побелевшими губами я спросила, есть ли какой-нибудь шанс, ведь жизнь для нас только начиналась. Но врачи развели руками: от силы три месяца. Не помню, как я вернулась домой. Ничего не подозревающий Николай приготовил вкусный ужин, ожидая меня, суетился, приговаривая, что теперь должен вдвойне оберегать мать своих будущих детей, а я, собрав волю в комок, улыбалась, стараясь ничем не выдать своего подлинного настроения. И все же он что-то почувствовал. Я тут же придумала удачную отговорку: с детьми придется подождать, я была у врача, необходимо кратковременное лечение, иначе беременность невозможна. Помню, как он успокаивал меня, а я, дождавшись, когда он заснет, вышла на балкон и разрыдалась, понимая: моя жизнь кончена. Николая тоже вызвали в поликлинику. Не знаю, что ему сказали, объясняя

необходимость некоторых процедур и постоянной сдачи анализов, однако он обо всем догадался. Даже понимая, что умирает, этот человек думал обо мне и никогда не позволял себе пасть духом. За несколько дней до смерти, лежа в больнице, Коля сказал мне: «Машенька, спасибо тебе за все. Если хочешь, чтобы я умер со спокойным сердцем, пообещай мне...»

– Я все для тебя сделаю. – Слезы сами текли по моим щекам, и муж не успевал вытирать их.

– Не надо скорбеть обо мне всю жизнь, – попросил он. – Выходи замуж и рожай детей. Фамилия Клемма нуждается в продолжении рода.

Я не стала говорить Коле, что не смогу выполнить его просьбу, хотя уже тогда знала об этом, знала, что другие мужчины для меня не будут существовать.

– Так сделаешь, как я просил? – Он с надеждой заглядывал мне в глаза.

– Да. – Я разрыдалась и выскочила из палаты.

Три года после Колиной смерти Маша не находила себе места. Она снова с головой ушла в науку: только занимаясь любимым делом, женщина могла забыть о съедающей ее боли. Боль постепенно утихала, но окончательно не прошла. В жизни Маши так и не появился другой мужчина. Будучи верующим человеком, Клемма говорила:

– Когда мы встретимся на небесах, он простит меня, он поймет...

И выйдя на пенсию, Мария продолжала служить науке.

– Все, что я сделала, посвящено ему, – говорила она. – Знаете, я договорилась с астрономами, и они назвали новую звезду именем Коленьки.

После этого разговора мы подружились. Она была так же одинока, как и я, так же нуждалась в человеческом общении, хотя ее телефон не умолкал: многие мечтали писать кандидатские и докторские под ее руководством.

– Они знают, что у меня материала на весь факультет, – смеялась моя подруга. – И они правы: он не должен лежать. Написать еще одну диссертацию я уже не могу, так пусть это сделают другие. Пусть мои открытия послужат стране.

Аспиранты не заставляли себя ждать. Мало того, от них не было отбоя. Но Маша больше двух никогда не брала. Вот и в последний год ее жизни с ней работали Ашот Геворкян и небезизвестный вам Анатолий Корниец.

– Корниец писал диссертацию? – вырвался у Павла возглас удивления.

– Представьте себе, молодой человек, – усмехнулась Наталья Михайловна. – Моя подруга говорила: Ашотик очень талантливый, и его ждет большое будущее, а Толик – просто трудяга поневоле, который пишет диссертацию ради самой диссертации. Однако она оценила это трудолюбие, к тому же Корниец жил с нами в одном доме, мы знали его родителей (этому парню, как и мне, жилплощадь досталась по наследству). Помогая своим подопечным, Клемма опять окуналась в любимый научный мир и забывала обо всем на свете. Помню, я даже ревновала ее: как ни придешь, сидят эти двое и слушают, разинув рты. «Их работы будут как конфетки», – гордилась приятельница. День защиты приближался, а вместе с ним – переломный момент в истории страны. Короче, грянула перестройка. Родители Геворкяна вместе с отпрыском благополучно отбыли в Штаты, ни словом не предупредив об этом Клемма. Все ее надежды теперь были связаны с Корницом, но тот в одночасье потерял интерес к диссертации, занявшись бизнесом.

– На меня неожиданно свалилось наследство, – говорил он мне при встрече, когда я начала стыдить его. – Кандидатская не убежит, да и вообще, на кой черт она теперь нужна? Если есть возможность зарабатывать большие деньги, надо этим пользоваться.

Маша тяжело переживала их уход, но время шло, и подруга начинала смиряться с этим фактом. Я радовалась, видя, как обида и сожаление постепенно покидают ее, однако данной истории не суждено было закончиться. Однажды Маша прибежала ко мне вечером. Ее трясло, лицо покрылось испариной, руки дрожали.

– Посмотри. – Она бросила на стол журнал «ВИНИТИ», трясущимися руками открыв нужную страницу. Я неплохо знаю английский, но, естественно, могу оперировать терминологией только в своей области. Несколько знакомых слов в реферате мне ничего не сказали, зато имя автора прочитал бы любой. Им являлся Ашот Геворкян.

– Это тезисы его диссертации. – Маша тяжело опустилась на стул. – Здесь есть засекреченные данные. Мы ведь работали с ним в секретных архивах. Ты понимаешь, о чем я хочу сказать?

Ее состояние сбивало меня с толку и мешало собраться с мыслями. Я покачала головой.

– Этот негодяй продал материал за деньги, – пояснила Маша. – И наш соседушка приложил к этому руку. Автор второй статьи – некий Юрий Иванов, имя, абсолютно мне ничего не говорящее. Зато узнаю материал. Это отрывки из кандидатской Корнийца. Теперь тебе понятно, откуда на него в одночасье свалилось наследство? Геворкян поделился с приятелем.

Я похолодела. Такой подлости от парней не ожидал никто.

– Налей мне чаю, – попросила подруга.

Я метнулась на кухню, Маша, тяжело ступая, шла следом. Открыв форточку, она достала сигарету и жадно затянулась. Мне стало ужасно жаль эту несчастную женщину. Я вспомнила: она рассказывала, что единственный раз в жизни позволила себе выкурить пачку сигарет – в день смерти мужа. Значит, данное событие почти так же сильно потрясло ее.

– Успокойся, – я осторожно наливала чай, придвигая ей пепельницу, – на белом свете всегда хватало негодяев.

– Совершенно верно. – Мария загасила сигарету и придвинула к себе чашку. – Только этих подонков я собираюсь наказать. То, что они сделали, называется преступлением против Родины. Все наши открытия должны находиться здесь.

Она резко поднялась со стула и, не допив чай, ушла.

Маша начала бороться за справедливость буквально со следующего дня. К сожалению, в научно-исследовательском институте не все разделяли ее мнение.

– Самое неприятное для меня, – говорила Клемма, – разочаровываться в людях. Хорошо, если разочаровываешься в положительную сторону. Но если человек, которого ты считал своим другом, в нужный момент оказывается по ту сторону баррикад – как это тяжело, Наташа!

Из ее рассказов я узнала, что по данному вопросу образовались две группировки. Одни полностью поддерживали подругу, считая поступок Геворкяна и Корнийца предательством и требуя наказания, другие оправдывали парней: мол, сейчас другое время и каждый зарабатывает как может, хватит жить совдеповскими принципами.

– Принципы чести и совести не должны меняться с изменением правительства и общественного строя, – замечала Маша. – Кто бы там что ни говорил, я найду на них управу.

Она потребовала от Корнийца вернуть еще не попавшие в прессу материалы, грозя разоблачением в средствах массовой информации, что ему, как начинающему бизнесмену, было вовсе не нужно, однако он клялся и божился: мол, понятия не имеет, откуда в американском журнале сведения из его работы, вот она, в целостности и сохранности, лежит у него дома, а если Ашот каким-то образом добрался до нее (что вполне возможно, они ведь работали рука об руку), за это он не ответчик. Разумеется, Мария не верила ни единому слову моего соседа и готовила выступление на телевидении и статью в газету. Наверное, многим после этого пришлось бы туго, для них смерть Маши стала спасением от позора и, возможно, наказания.

– Да, правду сказать, вовремя она умерла, – заметил Павел. – Инфаркт, инсульт?

– Ни то ни другое, молодой человек, – Наталья Михайловна снова достала платок. – Смерть на операционном столе от сердечной недостаточности. Помните, я рассказывала вам, где мы познакомились поближе? В неприятном месте, с неприятными, правда, не смертельными диагнозами, но врач Белозерова готовила нас к операции. Знаете, после любой операции за человеком нужен уход. Так как у Маши не было родственников, а я не хотела расстраивать

и обременять дочь, мы договорились помогать друг другу. Первой в больницу легла Мария. На следующий день после операции, придя ее навестить, я даже в мыслях не держала ничего плохого. Представьте себе мое изумление и отчаяние, когда врач сообщила мне о смерти подруги.

– Она скончалась от сердечной недостаточности, – равнодушно констатировала Белозерова.

Я побелела.

– Как такое могло случиться? – Мой голос дрожал от боли и возмущения. – Моя подруга никогда не жаловалась на сердце. Мы каждый день бегали с ней до речки. Здесь какая-то ошибка.

– Ошибки здесь нет никакой – Белозерова не давала мне и рта раскрыть. – Так, как вы, рассуждают многие пожилые люди. Пройдут пару лишних километров – и считают, что в их возрасте это подвиг и у них все в порядке со здоровьем.

– Но это совсем разные вещи... – я пыталась возражать.

– Не будем об этом говорить, – прервала она меня. – У вас впереди много тяжелых дней. Надо похоронить подругу и самой готовиться к операции. Всего доброго.

Она развернулась на высоких каблуках, а я, глядя ей вслед, подумала, что никогда не приду сюда, и сдержала слово. Похоронив Машу, я позвонила дочери, объяснила ситуацию, приехала в Санкт-Петербург, где мне сказали, что можно вполне обойтись без хирургического вмешательства, выписали лекарства и отправили домой. Теперь, если мне надо проконсультироваться с врачом, я еду туда. Вот, молодой человек, пожалуй, и все.

Киселев поднялся со стула и стал прощаться.

– Квартиру Клемма сдали государству? – поинтересовался он. – Ведь вы говорили, у нее не было родственников.

Наталья Михайловна взмахнула руками:

– Конечно, надо было сказать и об этом. Представьте себе, нет. Там поселилась известная нам личность – врач Белозерова. Когда я встретила ее возле Машиного подъезда и поинтересовалась, что она здесь делает, то услышала: мол, покойная Клемма написала на нее завещание, и теперь эта квартира принадлежит ее дочери Эллочке.

– Может быть, ваша подруга действительно сделала это? – спросил Киселев.

– Сделать это, милый, она никак не могла. – Хозяйку даже затрясло от возмущения. – Перед тем как лечь на операцию, она хотела написать завещание на мою дочь Анечку, но я категорически воспрепятствовала этому. Во-первых, у дочери уже есть квартира, и не одна: я умру – достанется эта. Во-вторых, я имею какое-то предубеждение насчет завещаний. Я понимаю: за границей их пишут сплошь и рядом, молодые и старые. Ну, а до нас это еще не дошло, поэтому у меня завещание ассоциируется со скорой смертью. Тогда я не дала Маше это сделать. Правда, подруга все равно хотела завещать квартиру моей семье.

– Не желаю, чтобы она отходила государству, – объясняла Маша. – Пусть за ней ухаживают близкие мне люди, слишком здесь мне все дорого. И не спорь, Наташа. Рано или поздно твоя Анечка станет ее владелицей. Как вы думаете, – обратилась старушка к Павлу, – после таких слов Клемма могла отдать ее Белозеровой?

Киселев пожал плечами:

– В жизни бывает всякое.

– И все равно, – пожилая женщина упрямо закусила губу.

– Скажите, а у нее действительно никого не было? – задал вопрос оперативник. – Может быть, ей все же удалось кого-нибудь найти?

– Она бы сказала, – уверенно произнесла Наталья Михайловна. – Хотя постойте... Однажды я была у нее в гостях, и вдруг кто-то позвонил. Маша взяла трубку..

– Ах, это опять вы, – недовольно сказала она, – по-моему, на данном вопросе мы поставили точку. Я еще раз повторяю: я отыскала внучатого племянника, проживающего в Марселе. Что же тут непонятного? И перестаньте сюда звонить.

Когда же я спросила, о чем идет речь и что это за внучатый племянник во Франции, подруга лишь отмахнулась:

– А, не обращай внимания.

Видя, что она не хочет говорить на эту тему, я больше никогда не спрашивала о ее родственниках.

Киселев почувствовал, как вспотели ладони. Версия убийства Корнийца росла как грибы после дождя.

Глава 4

За два месяца до смерти Клемма

Мария Ивановна сидела в своем кабинете за письменным столом и просматривала черновики диссертаций Геворкяна и Корнийца. Что ж, Ашотик молодец, практически готовая работа, еще немного подправить – и можно писать чистовик. А вот с Толиком опять проблемы. В последнюю встречу вроде все разобрали, все разложили по полочкам – и опять ошибки. Не дано мальчику быть великим ученым, а он этого не понимает. Ну да ладно. Желание служить науке должно поощряться. Клемма сделала несколько пометок на полях и протянула руку к телефонной трубке, собираясь звонить Корнийцу. Если только паршивец не убежал на танцы, можно сегодня еще поработать с ним. Женщина уже набирала номер своего аспиранта, как вдруг услышала звонок в дверь. Недоуменно пожав плечами (сегодня она никого не ждала), Мария Ивановна направилась к входной двери.

– Кто? – спросила она в домофон.

– Ваш лечащий врач Анна Петровна Белозерова, – услышала Клемма знакомый голос. – Мне нужно с вами поговорить.

– Поднимайтесь, – разрешила Мария Ивановна.

Сияющая Белозерова возникла на пороге буквально через полминуты, держа в руках коробку с тортом. На недоуменный взгляд хозяйки врач ответила:

– Не пугайтесь, моя милая. Я не по поводу гинекологии. Я совсем по другому вопросу, поэтому и принесла торт. Думаю, разговор наш не будет коротким. Какая у вас большая квартира!

– Проходите на кухню, – пригласила Клемма. – В комнатах у меня беспорядок.

Женщина не могла объяснить своего нежелания видеть тут Белозерову. Эта дама всегда была ей неприятна, и при первой же возможности она перестала бы общаться с ней. Но что поделать, участковая врач, говорят, довольно толковая, вот и приходилось прятать антипатии в кулак.

Анна Петровна бойко прошагала на кухню, попросила хозяйку поставить чайник и, пока он закипал, без умолку трещала на отвлеченные темы. Мария Ивановна молчала, ожидая момента, когда нежеланная гостья сама назовет причину своего визита. Эта минута настала во время чаепития.

– Милая Мария Ивановна, – проворковала Белозерова, заглядывая в глаза Клемма, – вы знаете, скоро вам предстоит серьезная операция. Нет, я ни в коей мере не хочу пугать вас, я просто уверена: все будет хорошо. Мой разговор о другом, – она сделала глоток чая. – Видите ли, послеоперационные больные нуждаются в особом уходе, и горе одинокому человеку! Он испытывает такие мучения, потому что вынужден многое делать сам.

– Кстати, об этом я подумала, – прервала ее Мария Ивановна. – Мы с Натальей Михайловной Бронниковой договорились помочь друг другу.

– Я знаю о вашей чудесной дружбе, – голос врача был слаще сахара, – и только порадовалась бы за вас, однако Наталья Михайловна должна ухаживать за вами не менее месяца, а ей самой предстоит пройти то же самое. Что же, вы посоветуете подруге отложить операцию? Этого нельзя делать ни в коем случае. То есть получится, что Бронникова ляжет к нам, когда вы сама еще будете нуждаться в заботе. Это во-первых. Во-вторых, ваша подруга выйдет, когда вы еще не окрепнете, и у вас не хватит сил помочь ей.

Клемма задумалась. Такого расклада они с Наташей не ожидали.

– Мне кажется, – продолжала Белозерова, – Наталье Михайловне следует вызвать дочь. К чему этот героизм и нежелание огорчать близких? Кто тогда поможет, как не дети? Я обяза-

тельно буду говорить с ней на эту тему и, уверена, уговорю. Что же касается вас, моя милая, я предлагаю такой вариант: за вами поухаживает моя дочь Элла. Девушка учится в медицинском, и в ее лице вы найдете профессионального помощника. Она даже может пожить у вас какое-то время, если вы не против. Согласны?

– Все это очень заманчиво, – Клемма вздохнула. – Однако, как я понимаю, не безвозмездно. В наше время нет ни комсомольцев, ни пионеров, и редкая молодежь делает что-то бескорыстно.

Врач покраснела. Реплика Клемма попала в цель.

– Алчность, корысть, – произнесла она, – зачем же такие громкие и несправедливые слова? Разве нельзя назвать наше соглашение коммерческой сделкой? Эллочка предоставит вам прекрасный уход и не возьмет за это ни копейки, а вы завещаете ей свою квартиру. У вас ведь все равно нет наследников. Какая разница, отойдет ли жилплощадь государству или ее получит человек, который до конца вашей жизни, какой бы долгой она ни была, будет мчаться к вам по первому же зову? – Доктор с надеждой посмотрела на хозяйку.

Клемма встала.

– Я так полагаю, разговор окончен, – констатировала она. – Мне очень жаль, что вы проделали этот путь зря. Насчет своей квартиры у меня другие планы.

Анна Петровна вздохнула:

– Ничего другого я от вас не ожидала. Однако я и не требую немедленного ответа. Прикиньте, подумайте. Такие решения враз не принимаются.

– А мне показалось, я сообщила вам свое решение. – Мария Ивановна направилась к входной двери.

– Я его не понимаю и не принимаю, – уже на пороге заявила Белозерова. – Для меня этот разговор не последний. Всего хорошего.

Закрыв за ней дверь, Мария Ивановна почувствовала облегчение и улыбнулась. Надо же, она жива-здоровая, а стервятники уже налетели на ее добро. Первым ее желанием было рассказать обо всем Бронниковой, но Наташка такая эмоциональная, этот рассказ нарушит ее сон и аппетит, а дело не стоит выеденного яйца. Пусть Белозерова хоть двадцать раз заговаривает о квартире – решение уже принято, и она не собирается его менять.

Глава 5

Вернувшись на работу, Павел подробно пересказал разговор с Бронниковой.

– Смотри ты, – усмехнулся Скворцов, – наш покойничек, оказывается, без пяти минут кандидат, в физике кумекает, а мы-то приняли его за специалиста в совсем другой области. Не иначе порнуха – нормальное хобби для ученого.

– Теперь бизнесмена, – поправил его Киселев, – пойдём-ка поговорим с Игорьком Мамонтовым, поспрашиваем, какие выводы он из всего сделает.

Игорь Мамонтов с нетерпением поджидал приятелей. Он страшно не любил расследовать убийства бизнесменов и политиков, рассчитывая напороться на самый обыкновенный «глухарь», и поэтому какие-либо соображения оперативников для него всегда были манной небесной.

– Как я тебя понимаю, – произнес он, выслушав Павла, – твоя версия – месть за Клемма. Киселев пожал плечами:

– Знаешь, я размышлял об этом всю дорогу и не пришел ни к какому выводу, – заметил он. – Безусловно, данная версия сама идет к нам в руки. Однако возникают вопросы: кто мог так скорбеть по поводу смерти академика? Наталья Михайловна отпадает, ей и в голову такое бы не пришло. Кто-то из сподвижников Клемма, борец за справедливость? Я думаю так: ученый – не профессиональный убийца и он обязательно нарисовался бы на горизонте еще при жизни Марии Ивановны. Однако она никого среди сторонников не выделяла. Ну а предположение о мести со стороны французских родственников – по-моему, просто бред. Мне кажется, никакого племянника не было и в помине. Просто Клемма никак не могла отвязаться от Белозеровой, хотевшей завладеть квартирой. Никто из вас ведь не сомневается, что это звонила именно она? Наверняка Анна Петровна еще и удостаивала хозяйку своим посещением, просто та не говорила об этом подруге. Вот на горизонте и возник мифический француз – племянник. Будь он реальным, об этом бы узнала Бронникова.

– Знаешь, все равно мы должны проверить запросы Клемма во Францию и ответы на них, – протянул Скворцов.

– Обязательно проверим, – кивнул приятель. – Правда, я сомневаюсь в их существовании.

– Ну, кое-что нам просто необходимо проверить, – проговорил Мамонтов. – Тут, по всей вероятности, из одного преступления вышло другое, которое прямо-таки жаждет раскрытия. Каким образом квартирой Клемма завладела Белозерова? Шлите, друзья, ей повестку.

Глава 6

Анна Петровна Белозерова оказалась высокой полной рыжеволосой дамой, безвкусно и крикливо накрашенной и так же одетой. Она по-хозяйски уселась на предложенный ей стул и заговорила грубым сиплым голосом:

– Признаться, я сгораю от любопытства. Куда-куда, а в милицию меня еще не вызывали. И что же от меня хотят доблестные органы правопорядка?

– Мы хотим получить от вас информацию относительно Клемма Марии Ивановны, – спокойно произнес Игорь. – Не будете же вы отрицать, что знали ее?

– Естественно, не собираюсь. – Доктор не пошевелила и бровью. – А в чем дело?

– Нас интересует, от чего умерла Клемма, – продолжил допрос Мамонтов.

– От сердечной недостаточности, – уверенно сказала Белозерова. – И для этого вы меня вызывали? Могли бы навеститься к нам в больницу, ее медицинская карта еще в целости и сохранности.

– Знаете, многие из друзей Марии Ивановны подвергают ваш диагноз сомнению, – следователь сделал пометки на листке бумаги.

– Догадываюсь, какие, – усмехнулась врач. – Вы слушаете эту истеричку Бронникову, которая с упоением рассказывает вам про пробежки до реки, в то время как мнение компетентных людей вас, видимо, не интересует. Кстати, если Бронникова действительно не приняла наш диагноз, могла бы просить о вскрытии.

– А вы не сделали вскрытие? – удивился Игорь.

– Конечно, не делали. – Щеки дамы стали пунцовыми от возмущения. – У бригады оперирующих не возникло никаких сомнений по поводу смерти Клемма. А ваша дорогая Наталья Михайловна могла бы настоять.

– Ладно, оставим этот вопрос. – Мамонтов понимал: здесь прижать Белозерову не удастся. – Давайте поговорим о ее квартире. Как она перешла к вам?

– Самовольно захватила, – Анна Петровна громко рассмеялась. – Однажды пришла к ней в гости, мне понравилась жилплощадь, и я сказала себе, что так просто с ней не расстанусь. Вы так и напишете?

– Мне непонятен ваш цинизм. – Мамонтова бесила эта женщина. – Это во-первых. Во-вторых, вы, вероятно, забыли, где находитесь. Здесь не цирк и не театр, а у вас не пробы.

– Извините. – Лицо его собеседницы все равно оставалось уверенным и наглым. – Естественно, квартира перешла к моей дочери по завещанию.

– Но Наталья Михайловна говорит: ее подруга собиралась завещать квартиру ее детям, – вставил следователь.

– Представьте себе, я знаю, – ухмыльнулась посетительница. – Клемма сама мне об этом говорила, и я не собираюсь скрывать от вас данный факт. Однако мне удалось ее переубедить.

– Как, если не секрет? – поинтересовался Мамонтов.

– Да уж какой тут секрет! – Женщина поправила и без того идеальную прическу. – Я, как врач, подробно растолковала ей, почему они, почти одновременно прооперировавшись, не смогут полноценно ухаживать друг за другом, и предложила в помощницы свою дочь, студентку мединститута, – так сказать, квалифицированная помощь до конца жизни в обмен на право наследования жилья.

– К счастью для вас, ваша дочь не приложила никаких усилий. – Игорь пристально посмотрел в глаза Белозеровой. Та не отвела взгляда.

– Ну, тут уж она не виновата.

– А кто виноват?

– Если хотите откровенный ответ – пожалуйста, – дама по-прежнему не чувствовала смущения. – Виновата сама пациентка. Надо предупреждать о болезнях сердца.

– И когда же она написала завещание? – Мамонтов продолжал неотрывно смотреть на собеседницу.

– В больнице и написала, – не задумываясь ответила та. – За день до операции.

– Почему же она ничего не сказала навестившей ее Бронниковой?

– Полагаю, надо было спрашивать об этом ее, как вы считаете? – Толстые красные губы расплылись в улыбке.

Мамонтов еле сдерживал себя, чтобы не нагрубить этой беспардонной женщине.

– И вы можете показать нам завещание?

– Естественно, – опять ни тени смущения. – Как бы я, по-вашему, получила квартиру?

Задав приглашенной еще несколько вопросов, Игорь отпустил ее, распахнул настежь окно и глотнул свежего воздуха.

Глава 7

Полковник Кравченко внимательно выслушал донесения своих подчиненных.

– Полагаю, у вас и без меня намечен курс розыскных мероприятий, – заметил он.

– Разумеется, Алексей Степанович, – кивнул Киселев. – Надо бы получше присмотреться к этой дамочке – женскому врачу.

– И узнать, – продолжил начальник его мысль, – какая контора присутствовала при составлении завещания.

– Это нам Мамонтов сказал, – включился в беседу Скворцов, – частная нотариальная контора во главе с нотариусом Биленко Светланой Ивановной. Прохоров уже поехал к ней.

– Пусть потом обязательно доложит о результатах беседы, – Кравченко тяжело вздохнул. – Все думаю: если Клемма загубили... Такой ум, такого титана науки...

– К сожалению, преступники на это не смотрят, – вздохнул Павел.

Петя Прохоров топтался под вывеской «Частная нотариальная контора», от души желая, чтобы нотариус оказалась молодой женщиной. С ними ему было легче находить общий язык, чем с пожилыми, хотя друзья и коллеги говорили, что возраст здесь неважен. Пожилая честная женщина, готовая помочь следствию, сама пойдет на контакт в отличие от молодой преступницы. Но, как бы то ни было, Петя оставался при своем мнении. Открыв массивную дверь, парень оказался в просторном коридоре двухкомнатного офиса.

– Вы к Светлане Ивановне? – спросила его стоящая у окна с сигаретой симпатичная девушка. – Тогда вам налево.

Светлана Ивановна Биленко оказалась красивой молодой блондинкой. Она недоуменно взглянула на удостоверение Прохорова.

– Не понимаю, зачем я вам понадобилась. В моей деятельности до сих пор не было ничего противозаконного.

– Скажите, это вы оформляли завещание Марии Ивановны Клемма? – спросил Петр.

– Я, – улыбнулась женщина. – Представляете, давно мечтала увидеть ее, как говорится, живую, – и вот... Знакомство произошло, правда, при печальных обстоятельствах.

– В каком состоянии была Клемма при оформлении завещания? – поинтересовался оперативник.

– Естественно, в нормальном, – хорошенькое личико исказила гримаса недоумения, – иначе я бы ничего не стала оформлять.

– Вы бы не могли припомнить, что она говорила? – Петя видел, как его собеседница снова поморщилась.

– Боже мой, да обычные для такой процедуры слова! – махнула рукой Биленко. – Дескать, ей предстоит серьезная операция, после которой понадобится постоянный и квалифицированный уход, мол, уход этот будет осуществлять Эльвира Борисовна Белозерова, студентка медицинского института, дочь ее лечащего врача, за что, грубо говоря, и получит квартиру. Поверьте, я оформила сотни разного рода завещаний, и в данном документе не было ничего необычного.

– Можно взглянуть на документ? – попросил Петр.

– Конечно, – Светлана Ивановна открыла шкаф, несколько секунд перебирала папки и наконец достала нужную. – Вот, пожалуйста.

Прохоров внимательно прочитал документ. Да, на первый взгляд в нем не было ничего странного. Впрочем, странным тут могло быть только одно, то, что ему сейчас никак не разглядеть.

– Я забираю его у вас, – сказал он, – вот постановление об изъятии.

Биленко побледнела.

– Я что-то сделала не так?

– Вам скажут об этом чуть позже, – заверил ее оперативник.

Глава 8

Вызванный Станиславом Михайловичем графолог сличал подписи Клемма на завещании и документе, который Киселев принес с места ее работы.

– Явная подделка, – заметил он, указав на завещание.

– Значит, хорошая подделка, – улыбнулся Киселев. – По мне, так они ничем не различаются. Вы прямо волшебники, если умудряетесь что-то увидеть.

– Могу кое-чему научить, – рассмеялся специалист, протягивая оперативнику чистый лист бумаги. – Кто тут у вас мастер по подделыванию?

– Это вы милиционеров спрашиваете? – рассмеялся Константин.

Графолог усмехнулся:

– Каждый в своей жизни хоть играючи пытался скопировать чью-либо подпись.

– Каюсь, – Павел шутливо схватился за голову, – я как раз один из тех: подделывал подпись классного руководителя, когда собственноручно ставил себе отличные оценки по поведению.

– Вот и отлично, – констатировал специалист и обратился к Скворцову: – Распишитесь. Константин поставил автограф на листе бумаги.

– А теперь ваша очередь, – мужчина передал лист Киселеву, – подделайте.

Оперативник трудился несколько секунд.

– Ну, Пашка, даешь! – восхищенно протянул приятель. – И не отличишь. Слушай, мне с тобой теперь страшно работать.

Графолог взял в руки лист.

– Хорошая работа, – похвалил он Киселева. – Теперь приступим к разоблачению. Сколько времени вы потратили на автограф?

– Не более двух секунд, – отчеканил Константин.

– А сколько ушло на подделку?

– Секунд девять-десять, – ответил Павел.

– И что из этого следует? – поинтересовался мужчина. – А из этого следует, что вы орудовали неуверенно, а ваша неуверенность обязательно отразится на бумаге. Вот, пожалуйста, первая погрешность, – он указал на букву «С». Хозяин подписи, прежде чем начертать ее, некоторое время задерживает ручку в верхней точке, и получается крохотное жирное пятнышко. Видите?

Оперативники кивнули.

– Это первое. Есть также второе, третье и четвертое. Самая простая работа – рассмотреть росчерк под микроскопом. У оригинала будет сплошная линия, а у подделки – прерывистая: преступнику ведь нужно провести ее под определенным углом. Первая буква подделки фамилии Клемма сплошь прерывистая, как и росчерк в конце. И это не все. Есть огрехи, действительно не заметные непрофессиональному глазу.

Сыщики с восхищением смотрели на графолога.

– Вы нам очень помогли, – Константин пожал ему руку, – что ж, потребуем отчет у Светланы Ивановны Биленко.

– И довольно строго потребуем, – согласился Павел. – Петька кое-что узнал об этой дамочке. Угадай, как ее девичья фамилия?

– Не томи, – отмахнулся Скворцов.

– По-моему, не так уж и трудно сообразить, – улыбнулся оперативник. – В девичестве наша Биленко – Корниец Светлана Ивановна, родная сестричка покойного Анатолия Ивановича.

– Обалдеть! – присвистнул приятель.

– И это еще не все! – с пафосом произнес Киселев. – Петька по моей просьбе копнул глубже. Я задумался: «К чему какой-то Биленко, пусть она и бывшая Корниец, брать на себя такую ответственность, как подделка документа для какой-то Белозеровой?» Прохоров раскрутил и этот вопрос. Представь себе, фамилия матери Корнийца в девичестве – Белозерова, то есть она приходится родной сестрой мужу врача, который два года назад развелся с нашей подозреваемой докторшей (на развод подавала дама по причине хронического алкоголизма супруга, в свое время тоже неплохого врача) и прошлой зимой, будучи мертвецки пьяным, возвращаясь с работы, поскользнулся, потерял сознание и замерз в детском парке.

– Обалдеть! – повторил Константин.

Глава 9

Вызванная в управление Светлана Ивановна Биленко громко рыдала, размазывая косметику и не боясь казаться некрасивой. Сначала женщина пыталась отпираться и оспаривать доводы оперативников, однако ей объяснили, что суд доверяет экспертизе куда больше, чем показаниям подозреваемых.

– Я все расскажу, – всхлипывала нотариус. – Да, подпись Клемма подделана. Об этом меня попросила Белозерова. Но, клянусь, я ничего не знала!

– Не знали чего? – задал встречный вопрос Павел.

– Что она лжет, – захлебываясь слезами, продолжала нотариус. – Я говорила Анне: «Вы толкаете меня на преступление, ведь Клемма уже нет в живых», а она отвечала мне: «Будь Мария Ивановна в живых, твоя помощь не была бы столь щедро оплачена, потому что профессорша и так собиралась оставлять квартиру Элочке за хороший послеоперационный уход».

– И сколько же они вам заплатили? – поинтересовался Скворцов.

– Две тысячи долларов! – давась рыданиями, проговорила Светлана.

– И вас не смутила такая сумма?

Слезы у допрашиваемой полились как из крана.

– У меня маленький ребенок и муж не работает, – с отчаянием произнесла она.

– И тем не менее вы смогли себе позволить частную контору, – заметил Павел.

– Это подарок Толика на двадцатипятилетие, – пояснила Биленко. – Вы же знаете, он занимался бизнесом и мог себе это позволить. Однако, сделав такой щедрый подарок, брат сказал мне: «Теперь крутись сама». А как тут раскрутишься, если меня в городе никто не знает и люди ко мне почти не идут, а проклятая аренда съедает все, что удастся заработать!

– Почему же не работает муж? – спросил Константин.

– Потому что не хочет. – Женщина постепенно успокаивалась, как бы смиряясь с судьбой. – Он экономист и постоянно твердит: «Я буду качать только на себя, а не на какого-то дядю». Вот устраивай его начальником – и все тут!

– Зачем же вы с таким живете? – удивился Павел.

– Я его люблю, – тихо произнесла Светлана. – У нас сын. И вообще, кому я буду нужна после развода?

– К сожалению, такие мысли привели вас на скамью подсудимых, – заметил оперативник. – Кстати, я не удивлюсь, если человек, ради которого вы пошли на должностное преступление, узнав об этом, сам подаст на развод.

Женщина в отчаянии опустила голову.

Скворцов подал ей листок бумаги:

– Распишитесь здесь. Вас выпускают под подписку о невыезде.

Светлана расписалась.

– А теперь идите и не вздумайте скрыться, – напутствовал ее Павел. – Тогда вы окончательно сломаете жизнь себе и своему ребенку.

Биленко кивнула и на негнущихся ногах вышла из кабинета.

– Как ты думаешь, дамочка ничего от нас не утаила? – спросил Константин приятеля.

– Думаю, нет, – Павел вытер лоб. – Бьюсь об заклад, она вообще не вдумывалась в то, что делает, видя две тысячи долларов. И, согласись, если бы не убийство братца и не твой разговор с Бронниковой, ей все сошло бы с рук.

Друг кивнул.

– А вот Белозерова окажется крепким орешком. Иначе нельзя: ведь обвинение, предъявленное ей, будет куда серьезнее.

– Убийство на операционном столе? – поинтересовался Павел.

– Ты сам прекрасно знаешь.

Глава 10

Анна Петровна Белозерова прошествовала в кабинет Киселева, гордо неся голову.

– Мне казалось, прошлый мой приход был первым и единственным, – не терпящим возражения тоном сказала она. – Что вам еще понадобилось?

– Насколько мы знаем, в прошлый раз вам не было предъявлено никакого обвинения, – пояснил Павел.

– А теперь вы намереваетесь это сделать, – усмехнулась врач. – Ну что ж, валяйте.

Лицо оперативника оставалось каменным.

– Гражданка Белозерова Анна Петровна, – твердо проговорил он, – вы обвиняетесь в подделке завещания на наследование квартиры покойной Клемма Марии Ивановны.

Врач открыла рот, собираясь возразить, однако оперативник продолжал:

– Отпираться нет никакого смысла, вы только ухудшите свое положение. Вот показания вашей родственницы, Биленко Светланы Ивановны. Можете ознакомиться.

Женщина скривила губы:

– Ну что можно на это сказать? – Она пожала плечами. – Светка как душой была, так душой и помрет.

– Вы считаете, ей стоило врать с готовыми результатами графологической экспертизы? – поинтересовался Павел.

– Этой идиотке стоило бы пригласить адвоката, – пояснила доктор. – Кстати, я не премину это сделать.

– Что ж, ваше право, – кивнул оперативник. – Надеюсь, он найдет какие-нибудь смягчающие обстоятельства вашему мошенничеству.

– Когда вы убедите его, что факт мошенничества имел место. – Дама закинула ногу на ногу.

– Боюсь, докажем. Подделка подписи – вопрос, для нас решенный, – Киселев отложил ручку. – В настоящее время мы намереваемся обвинить вас в куда более серьезном преступлении – в убийстве Клемма на операционном столе.

На лице Белозеровой выступили капельки пота. Она сделала вдох, видимо, собираясь кричать от возмущения, но в последнюю минуту передумала и изобразила недоумение.

– Молодой человек, – дама покачала головой, – в подделке подписи вам, может, и удастся меня обвинить. Однако со вторым заявлением у вас ничего не получится. Надеюсь, мой защитник разыщет свидетелей, которые подтвердят, сколько раз я обивала пороги нашего дорогого академика, вы знаете, с каким предложением, сколько звонила ей. Спрашивается, зачем мне все это было нужно, если ее жизнь и так зависела от меня? Это во-первых. Во-вторых, если вы думаете, что на операции мы с Клемма находились один на один, то и тут вы глубоко заблуждаетесь. Ассистенты, доктор Александра Николаевна Замшина и медсестра Полина Краснова, подтвердят: мои действия во время операции были более чем безупречны. Однако я не должна отчитываться перед вами. Ваша версия – вы и доказывайте. Что я должна подписать, чтобы покинуть сей гостеприимный уголок?

– Подписку о невыезде, – покорно сказал Киселев, подавая ей листок.

– Мы с тобой и не сомневались: в убийстве Клемма Белозерова не расколется, – усмехнулся Константин, выслушав приятеля.

– Причем оправдания ее довольно логичны, – Павел вытер лоб. – Действительно, зачем она приходила к Марии Ивановне и звонила ей, если собиралась ее убить? Как ей удалось вызвать сердечную недостаточность при свидетелях?

– Да, это непросто доказать, – Скворцов подошел к окну. – Но ведь ты, как и я, уверен, что стоит покопать – и зацепки найдутся. Нужно обязательно поговорить с ее ассистентами: вдруг кто-то заметил на операции что-нибудь странное? – Он взглянул на часы. – С минуты на минуту подъедет Петька, он в НИИ орудует. Что ему удастся накопать?

Глава 11

Разговор с ассистентами Белозеровой взял на себя Скворцов. На следующий день после беседы с врачом он отправился в 10-ю городскую больницу, в гинекологическое отделение, довольно быстро отыскав там нужных ему людей. Доктор Александра Николаевна Замшина оказалась симпатичной женщиной лет тридцати пяти. Она охотно отвечала на вопросы оперативника.

– Разумеется, я хорошо помню эту операцию, – сказала она. – Еще бы! Увидеть живую знаменитость нашего города! Жаль, что все так получилось.

– А кто в этом виноват? – поинтересовался Константин.

– Ее больное сердце, – вздохнула Замшина. – Ну почему Мария Ивановна скрывала болезнь? Предупреди она о ней – трагического конца можно было бы избежать.

– А могла ли Клемма не знать о своей болезни? – высказал мысль оперативник.

– Такую сердечную недостаточность, от которой умирают на столе, трудно в течение всей жизни никак не ощущать, – пожала плечами врач.

– Если все так, как вы говорите, Мария Ивановна должна была хоть раз обратиться с жалобами на сердце, – предположил Константин.

– Конечно, – кивнула женщина.

– И это должно было быть зафиксировано в ее медкарте, – констатировал он.

– Безусловно.

– И перед операцией ей делали электрокардиограмму, – продолжал Скворцов.

– Разумеется. – В голубых глазах врача читалось недоумение: Александра Николаевна поняла, куда клонит ее собеседник.

– Как же вы можете все это объяснить?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Я просто ассистент, и в мои обязанности входила помощь при операции. Перед ее началом Анна Петровна дала краткий отчет о диагнозе больной и состоянии ее здоровья, но ни словом ни обмолвилась о сердце.

– Во время операции Белозерова все делала правильно? – Скворцов пристально посмотрел в глаза собеседницы.

– Конечно, – уверенно ответила та. – А почему вы спрашиваете?

– Видите ли, подруга Клемма утверждает, что академик никогда не жаловалась на сердце. Может быть, произошла ошибка?

Александра Николаевна зарделась от негодования:

– Скажете тоже... Да мы с нее пылинки сдували! Когда такое случилось, мы больше месяца в себя приходили! Я, например, до сих пор не могу себе этого простить, хотя понимаю, что ни в чем не виновата. Честно скажу: вашим людям здесь делать нечего.

То же самое Скворцов услышал и от молоденькой медсестры Полины.

– Такого исхода не ожидал никто, – объясняла девушка. – В принципе это рядовая операция, какие в больнице делают десять раз на дню.

На вопрос о действиях Белозеровой Константин также не услышал ничего нового.

– Анна Петровна, как всегда, действовала выше всяких похвал, – прокомментировала Краснова. – Когда снова выключился этот дурацкий свет и мы с Замшиной растерялись, Белозерова быстро привела нас в чувство.

– Во время операции погас свет? – удивился Скворцов.

Полина развела руками.

– Такое случилось только на операции Клемма? – Константин почувствовал, как вспотели ладони.

– Представьте себе, нет, – заметила девушка. – Недоразумения с электричеством начались в больнице примерно за неделю. Ни с того ни с сего выбивало пробки. Все пришли к выводу, что в городе давали большое напряжение. Кстати, Анна Петровна ужасно переживала по этому поводу, требовала вызвать квалифицированных специалистов, а не аварийку, которая открывала щиток, вставляла пробки на место и тут же уезжала, даже не пытаясь определить причину. Хорошо еще, наш охранник Егор тоже умел это делать. Потом обходились без их помощи. Егор сразу устранял неисправность. А мы все носили фонарики.

– А в конце концов, причина была определена? – поинтересовался Константин.

– Вроде нет, – пожала плечами Полина. – Когда главврач соизволил вызвать электриков, те ничего не обнаружили.

– Сколько дней после смерти Клемма продолжало выбивать пробки? – уточнил Скворцов.

– Ну, наверное, дня два, – наморщив лобик, ответила Полина.

– Понятно. – Оперативник перешел к другой теме. – Скажите, если больной умирает, сколько времени вы храните его медкарту?

– Это вы в нашем архиве узнайте, – посоветовала Краснова, – уж они вам точно скажут.

В архиве молодящаяся женщина неопределенного возраста ответила Константину, что карта Клемма будет храниться у них еще лет десять. Скворцов, тряся удостоверением, попросил даму разыскать документ, и та ленивой походкой направилась к огромным стеллажам.

– Ничего не понимаю, – послышался ее недовольный голос. – Сергеева-Клемма, вы говорите? В ячейке на С ее нет. И на К тоже.

– Посмотрите внимательно, пожалуйста. – Скворцов предвидел такой поворот событий, однако понимал, что карту по случайности или в спешке могли положить куда угодно.

Однако где угодно медкарты не было. Молодящаяся работница архива вызвала подкрепление в лице медсестер и санитарок, которые перерыли каждый сантиметр. Документ словно провалился сквозь землю.

– А вы хорошо помните, как вам ее приносили? – спросил Константин женщину.

– Когда она умерла? – осведомилась та.

– Полгода назад.

Дама облегченно вздохнула:

– Неудивительно, что я ничего не могу вам сказать. В то время я еще здесь не работала. Вам бы Зинаиду Терентьевну поспрашивать, вот кто трудился на этом месте тридцать лет и помнил каждую бумажку, только, к сожалению, вы не сможете этого сделать: она умерла практически одновременно с вашей пациенткой. Надо же, какое совпадение! Тоже от сердечной недостаточности.

Оперативник похолодел.

Глава 12

Сидя в ординаторской, Скворцов с удовольствием пил чай, которым его радушно угощала дежурившая в тот день Замшина, и слушал ее рассказ:

– Бабу Зину (все работники нашей больницы называли так Зинаиду Терентьевну Прошину) я знала очень хорошо. Некоторым она была как мать родная: скандал в семье, проблемы на работе – лучше слушателя и советчика не найти. Наша больница стала частью ее жизни. Терентьевна ведь не сразу в архив пошла, лет двадцать до этого работала медсестрой в процедурном кабинете. В общем, отдала данному заведению пятьдесят лет своей жизни. Такой грандиозный юбилей организовали, сам главный старался, чтобы ей понравилось. И не зря старался, понимал, такого работника попробуй поими. Баба Зина архив как свои пять пальцев знала, каждую бумажку берегла. И умерла красиво – на любимой работе, как, впрочем, и мечтала.

– Вы хотите сказать, в вашей больнице? – прервал ее Константин.

– На своем рабочем месте, – уточнила врач. – Утром пришла как ни в чем не бывало, радостная, улыбающаяся, а после обеда к ней наш хирург Семкин спустился чайку попить и нашел ее лежащей на полу без признаков жизни. Терентьевну сразу в реанимацию. Уж можете представить, делали все возможное... Только все равно опоздали. Видимо, сердце схватило, голова закружилась, и бабушка наша сознание потеряла. Представляете, какой ужас? Зайди к ней кто-нибудь на полчаса раньше – и сегодня вы общались бы не с нашей мымрой (это мы так новую работницу архива зовем), а с Зинулей. И медкарта Сергеевой-Клемма, уверяю, лежала бы на своем месте.

– Прошина жаловалась на сердце? – спросил оперативник, подливая себе кипяток.

– Терентьевна ни на что не жаловалась, – вздохнула Александра Николаевна, – даже когда ей за семьдесят перевалило. Мы не знали, что и думать: то ли старушка действительно обладает завидным здоровьем, то ли имидж такой держит.

– У нее были родственники? – поинтересовался Скворцов.

– Дочь на Севере, но они в ссоре, – пояснила Замшина. – Зинаида рассказывала, как ее единственное чадо выскочило в восемнадцать лет за какого-то проходимца-лимитчика, который не на нее, а на квартиру поглядывал, и потребовало от матери прописать ненаглядного, чему, естественно, Терентьевна воспротивилась. Молодые стали снимать комнату, а через три месяца случилось то, чего боялась наша Зиночка: зятек дочку бросил. Правду сказать, Прошина даже порадовалась: мол, теперь ее единственная вернется к матери, найдет достойного человека. Но девочка оказалась гордой. К матери зашла только один раз: полностью забрать свои вещи, небрежно попрощаться и предупредить, что уезжает в неизвестном направлении. Она, видите ли, в своем неудачном браке винила бабу Зину и считала, что теперь найти счастье ей никто не помешает. Хлопнула дверью и затихла на двадцать лет. Терентьевна пыталась ее искать, переживала, мысли всякие в голову лезли. Через двадцать лет дочурка сама объявилась: на семидесятилетие телеграмму прислала с обратным адресом «Мурманск, проездом». Так до своей смерти Прошина о ней ничего и не знала.

Скворцов не надеялся на удачу, задавая следующий вопрос и уже предполагая ответ:

– А кроме доктора Семкина, к ней никто в тот день не заходил?

Замшина развела руками:

– К сожалению, это тот случай, когда искать нужного вам человека можно бесконечно. Каждому из врачей периодически что-нибудь нужно в архиве. За день бабу Зину посещали десятки наших работников.

– Однако никто не видел, как ей стало плохо, – заметил Константин.

– Да, – вздохнула врач. – Обеденное время каждый из нас старается провести с пользой для себя.

Оперативник поблагодарил Александру Николаевну, еще немного походил по больнице, побеседовал с докторами, медсестрами и санитарками, однако эти беседы ему ничего не дали. В предположительный момент приступа Зинаиды Терентьевны ни в архиве, ни возле него никого из медперсонала, по их утверждению, не было.

Глава 13

– Жаль, что этой сатане в белом халате удастся вывернуться, – нахмурился Киселев, выслушав рассказ приятеля. – У нас есть прекрасная версия, но, к сожалению, бездоказательная. Может быть, шеф что-нибудь придумает?

Разговор с подчиненными не поднял настроение полковника.

– Вы правы, – расстроенным голосом проговорил он. – У нас против нее ничего нет. Хотя... – Он встал со стула и начал мерить шагами кабинет. – Давай-ка, Паша, изложи ваши соображения. Возможно, где-нибудь образовалась маленькая щелочка.

– Все очень просто, – начал Киселев. – Клемма грозила разоблачениями Корнийцу. Ему было глубоко наплевать на них как ученому, потому что возвращаться к диссертации под руководством академика он не собирался, но, видимо, не плевать как начинающему бизнесмену. И он придумал способ заткнуть ей рот с помощью тети, Белозеровой Анны Петровны. Известно: о мизерных зарплатах врачей все время вещают средства массовой информации. Белозерова – вдова с взрослой дочерью, которой нужно оплачивать не только наряды, но и учебу. Выслушав племянника, тетюшка сначала подумала о клятве Гиппократ и решила уладить вопрос с квартирой мирным путем. Однако ее пациентка была непреклонна, и даме ничего не оставалось, как укокошить ее на операционном столе. Корниец, физик-электротехник по образованию, прекрасно придумал с выбиванием пробок. Думаю, во время аварии Белозерова в темноте вколола Клемма какой-нибудь препарат, вызывающий острую сердечную недостаточность, а потом выкинула шприц в специально отведенную для этого урну, уложившись, думаю, в полминуты: Егор еще не добежал до щитка, а ассистентки не успели достать фонарики. Потом дамочка принялась за уничтожение медкарты. Это оказалось не так просто. Педантичная бабуля Зинаида Терентьевна обязательно запомнила бы, если бы Белозерова ушла с документом и не вернула его. Я считаю, смерть Прошиной – на ее совести. Анне Петровне удалось пробраться незамеченной в архив, взять медкарту и угостить чем-то бабу Зину, чем-то, в чем содержался препарат, вызывающий знакомые нам симптомы. Ну, как?

– Хорошо, но плохо, – махнул рукой Кравченко. – Зацепиться действительно не за что. Эта чертова врачиха действовала безукоризненно.

– А за что же все-таки убили ее племянника? – подал голос Константин. – О нем мы как-то забыли.

Алексей Степанович вздохнул. По поводу Корнийца не было даже мало-мальски приличной версии. Так получилось, что, занимаясь одним убийством, они раскрыли другое, однако в первом по-прежнему не продвинулись ни на шаг.

– Не знаю, Константин, – честно признался начальник, – не знаю.

Глава 14

За десять дней до смерти Клемма.

Анатолий Корниец на всех парах летел к своей любимой тетушке, ругая Клемма последними словами. Эта старая сука объявила ему войну – так пусть пожнет ее плоды. Никакой благодарности за помощь в диссертации он не ощущал. Впрочем, кандидатская ему была уже до фонаря. Правда, она сослужила добрую службу: за некоторые исследования американские ученые отвалили Ашотику неплохой куш, и он не преминул поделиться с приятелем. Анатолий долго ломал голову, куда бы вложить так неожиданно свалившиеся на него деньги, пусть и небольшие, и наконец принял предложение одного из друзей. Тот бизнес, которым сейчас занимался Корниец, приносил баснословную прибыль, и мужчина не собирался терять его, что было вполне возможно, открой старуха рот. Поскольку она и намеревалась это сделать, рот надо было закрыть, и он ничего не придумал лучше, как обратиться за помощью к Анне Петровне.

Гинеколог жила в престижном районе города, в довольно просторной квартире, однако уже давно поговаривала о размене. Денег на жизнь ей катастрофически не хватало. Все имевшиеся у нее драгоценности были давно заложены или пропиты бывшим муженьком. Дополнительный заработок в виде платы за операции конкретно ей запрещал главврач. Конечно, больные порой делали подарки в виде коробки шоколадных конфет или недорогой косметики, однако женщине нужны были купюры. Размышляя об этом, Анатолий быстро поднялся по обшарпанной лестнице на второй этаж и позвонил в давно не крашенную дверь.

– Здравствуй, тетушка! – Он с порога обнял Анну Петровну и прижал к могучей груди. – Как у нас делишки?

– Выживаем, – улыбнулась Белозерова, принимая от племянника торт и бутылку шампанского. – А ты здесь откуда? По какому случаю вспомнил?

– Угостите чайком – и все узнаете. – Анатолий уже проходил в большую гостиную.

Анна Петровна молниеносно накрыла маленький столик, Корниец откупорил шампанское и, разливая его по бокалам, провозгласил тост:

– За родственное сотрудничество.

Врач сначала выпила вино, потом удивленно взглянула на племянника:

– Что-то тосты нынче стали непонятными. Объясни.

Мужчина поставил бокал.

– Я это и намеревался сделать. Только, тетя Аня, у меня к вам просьба. Вы сначала выслушаете, и выслушаете внимательно, а потом можете высказываться.

Толик без стеснения рассказал ей о своих проблемах.

– Я считаю, что правильно поступил, – дал он оценку своим действиям, – на дворе перестройка, новое мышление, и каждый зарабатывает как может. Вспомни историю, тетя. Практически все миллионеры начинали с грязных денег – и что с того?

Белозерова ухмыльнулась. Напористость и поворотливость племянника ей нравились:

– Ох, хитрец!

– Кстати, я не только для себя стараюсь, – Анатолий достал из борсетки конверт и протянул его женщине: – С моей первой прибыли Элечке на обновки.

Анна Петровна посмотрела в конверт и ахнула:

– Ты даришь Эле три тысячи долларов? – Она бросилась на шею племяннику. – Ты не представляешь, какой ей сделал подарок!

– И он может быть не последним, – заметил Толик. – Все зависит только от вас.

– От меня? – удивилась Белозерова. – Что же я могу сделать?

– Тебе знакома некая Сергеева-Клемма?

– Более чем. А почему ты спрашиваешь? – поинтересовалась врач.

– Дело в том, что она и есть та старая дама – моя научная руководительница, собирающаяся раскрыть рот. Если она это сделает, а она это сделает обязательно, крах моему бизнесу.

– В данный момент я ее лечащий врач и готовлю ее к операции, – заметила женщина.

Глаза Анатолия заблестели:

– Тетя!

– Не думай ни о чем таком! – строго проговорила Анна Петровна. – Я грех на душу не возьму!

– Моя благодарность – это еще не все! – Корниец опустил перед ней на колени и взял ее руки в свои. – Наша дамочка одна на всем белом свете. Надо выяснить, существует ли завещание на ее квартиру. Если нет, после ее кончины Светка поможет оформить жилплощадь на Элку.

– Каким же образом?

– Моя любовь к искусству вам знакома, – насмешливо ответил племянник. – Я подделаю подпись профессорши на бланке завещания, благо оригиналов ее автографа у меня полно.

Щеки врача побелели:

– Ты сошел с ума! Если кто-нибудь нас поймает...

Анатолий расхохотался:

– Еще раз повторяю вам: старушечья одинока. Ее смерть, как и ее завещание, не привлекают ничьего внимания.

– Все равно. – Белозерова взяла бокал и сделала хороший глоток. – Я никогда не пойду на это.

Мужчина поднялся со стула:

– Думаю, это не окончательный ответ, – рассмеялся он. – Порассуждайте на досуге, тетя. Только учтите: у нас мало времени.

– Уходи! – Анна Петровна подтолкнула племянника в прихожую.

– Ухожу! – Анатолий игриво улыбнулся. – Уверен: вы еще позовете меня. Когда деньги кончатся совсем.

Гинеколог закрыла за ним дверь и прислонилась к ней спиной. Ей было трудно дышать.

Эллочка Белозерова по праву могла считать себя самой красивой девушкой на курсе: белокурые густые волосы, сногшибательная фигура, личико с правильными чертами. В другое время она просто страдала бы от кучи поклонников, предлагавших руку и сердце. Но сейчас в моде были другие, имевшие деньги, связи или собственную жилплощадь. Ничем таким Белозерова похвастаться не могла и поэтому безумно радовалась, когда на нее обратил внимание однокурсник Михаил, ни внешностью, ни умом не выделявшийся среди остальных. Нет, кое-чем он, несомненно, выделялся. Те, остальные, предлагали лишь секс и хотели, чтобы она стала для них очередной игрушкой на время. Михаил же намекал на скорую женитьбу, чему девушка была несказанно рада. Правда, сроки свадьбы даже примерно еще не определялись, однако об этом Элла не думала, будучи уверенной, что это обязательно свершится. А пока, посвятив в свои дела лучшую подругу, Эллочка предавалась любовным утехам в ее комнатухе в общежитии. Сегодня девушка летела на свидание как на крыльях. Она должна была сообщить Михаилу новость, которой он, конечно, обрадуется.

Парень уже поджидал свою возлюбленную, развалившись на кровати и попивая кока-колу из пластикового стаканчика. Он лениво поднялся навстречу подружке и чмокнул ее в щеку.

– Иди скорее, радость моя. Я по тебе просто истосковался.

– Мы же расстались два часа назад, – рассмеялась Элечка.

– Ты считаешь это маленьким сроком? – Он театрально схватился за голову. – Меня убивает каждая минута разлуки с тобой. – Парень притянул ее к себе и принялся расстегивать пуговицы на ее блузке.

– Подожди, – девушка ласково отвела его руки, – я должна кое-что сказать тебе.

– Только не про другого мужика, иначе я не переживу. – Михаил вскинул руки к небу. – Господи, помоги мне!

– Ты можешь серьезно выслушать меня? – Белозерова с обожанием смотрела на любовника. – У нас будет ребенок.

Такую реакцию жениха она не могла предвидеть. Он как ошпаренный вскочил с кровати и принялся метаться по комнате:

– Ты с ума сошла! Не может быть!

– Это правда на все сто процентов. – Девушка с тревогой наблюдала за Михаилом.

– Не может быть! – упорно твердил тот.

– От того, чем мы с тобой занимались все это время, не рождаются дети? – ехидно спросила возлюбленная.

Парень наконец перестал метаться и сел на скрипучую табуретку.

– Дело не в этом. Я думал, у тебя больше мозгов. По-моему, мы говорили: за контрацепцию отвечаешь ты. Как такое могло получиться?

Элечка вспомнила о не выпитой однажды таблетке. В тот злополучный день она сдала трудный зачет и, радостная, поспешила к своему воздыхателю, начисто забыв обо всем остальном.

– Хорошо, у тебя будет ребенок. И что дальше? – Тон Михаила не предвещал ничего хорошего.

– Я думала... – Девушка не ожидала такой реакции, и из ее глаз покатались крупные слезы.

– Ты думала, я предложу тебе руку и сердце, – ехидно заметил любовник. – Да, я честный парень и, в конце концов, бы это сделал, но сейчас... Как ты представляешь нашу семейную жизнь? В такой же клетушке?

– Ты будешь жить у нас, – неуверенно произнесла Элла.

– С твоей мамашей? Да она меня терпеть не может, – махнул рукой Михаил. – Будь это не так, мы с тобой сейчас не сидели бы здесь.

– Мама смирится, узнав про ребенка, – всхлипывая, проговорила девушка.

– Мне не нужно ничье одолжение, – парень был непреклонен.

– Чего же ты хочешь?

Он подсел к ней на кровать и обнял за плечи:

– Сейчас у нас с тобой единственный выход. Мне очень жаль, но ты должна сделать аборт.

Элла вздрогнула:

– А если после этого у меня никогда не будет детей?

– А если ты согласишься воспитывать его одна, – в тон ей ответил Михаил, – без денег, без квартиры, без мужа – что ж, желаю удачи. Только меня в это дело не впутывай. Разумеется, начни твоя мамаша нажимать на меня при помощи анализов ДНК – я признаю дитя. Но не более того. Подумай над этим, дорогая, – он стал быстро одеваться, – когда надумаешь что-нибудь дельное, сообщишь мне, но не раньше... – Михаил хлопнул дверью.

Девушка осталась одна и дала волю рыданиям. У нее возникло ощущение, что она барахтается в ледяной воде и вот-вот пойдет ко дну: вокруг не было ни единой живой души, готовой оказать ей помощь. Делать аборт, как советовал Михаил? Возможно, она так бы и поступила, если бы была уверена в нем. Но теперь, после этого разговора. Задача казалась неразрешимой: остаться одной с ребенком или обречь себя на бездетность. Элечка решила во всем признаться матери.

Выслушав дочь, Анна Петровна пришла в состояние шока. Она уже занесла руку, чтобы ударить свою непутевую дочь, однако вовремя спохватилась: девочке нельзя нервничать, что бы там ни было, никаких аборт. Нужно прижать негодяя...

Белозерова обняла девушку:

– Ну, не реви. Аборт отменяется, поэтому теперь думай не только о себе.

Приглашенный в гости Михаил вел себя очень корректно. Он уплетал за обе щеки испеченный Анной Петровной торт и многословно объяснял, почему сейчас не может жениться на ее дочери:

– Мы просто погрязнем в нищете. Мало того что мы не работаем и не сможем это делать еще три года, так еще и платим за учебу. Мои предки, высылая мне деньги, перебиваются с хлеба на воду. Вы, – он обвел взглядом выцветшие, местами висевшие обои, – думаю, тоже. А теперь вам придется кормить еще и внука. По-моему, это просто невозможно.

Гинеколог слушала наглого юнца и ничего не говорила. Будь другое время, она бы вышвырнула его пинками под зад и посоветовала забыть сюда дорогу. Однако сейчас надо было думать о дочери, и женщина сознавала: в его словах есть доля правды. Как же помочь? Можно было разменять квартиру с доплатой, но где гарантия, что, окончив институт, этот хлыст не бросит Элечку? Тогда они останутся вдвоем в маленькой квартирке где-нибудь на окраине Приреченска без возможности добыть деньги для малыша. Нет, такой вариант отпадает.

Распрощавшись с Михаилом, Анна Петровна, несмотря на сгущающиеся сумерки, вышла погулять в парк, расположенный возле дома, надеясь, что свежий воздух поможет ей думать. Она села на скамейку, посидела с минуту и вдруг вскочила как ужаленная. Толик! Решение вопроса лежало на поверхности.

Сначала доктор решила действовать сама и ни во что не посвящать племянника. На следующий день она отправилась на квартиру Клемма, уговаривать пожилую женщину написать завещание в пользу Элечки. Но старуха была непреклонна. Она не желала слушать разумные доводы врача, мало того, отыскала родственника за границей, окончательно перекрыв тем самым кислород Белозеровой. Был ли на самом деле у нее родственник в Париже или нет – черт его знает, однако рисковать не хотелось. И тогда, обливаясь потом, ругая себя последними словами, гинеколог позвонила Анатолию Корнийцу.

– Приходи в гости, Толя, – надтреснутым голосом сказала она. – Мне надо поговорить с тобой о деле.

Корниец сразу понял, какого рода дело хочет обсудить с ним тетя, и набрал мобильный Михаила:

– Спасибо, ты прекрасно справился с порученной тебе ролью, – констатировал он. – Завтра на большой перемене будь около киоска возле вашего института.

За разыгранный спектакль по поводу женитьбы на Эле, устроенный Михаилом по просьбе Корнийца, студент получил две тысячи долларов.

Анна Петровна не сразу решилась на убийство. Сначала она боролась с совестью, и последняя победила бы, если бы речь не шла о единственной дочери. Потом они с Анатолием продумывали наиболее безболезненные способы решения этого вопроса, пробуя исключить убийство, однако ни один из них не давал ожидаемых результатов. И все же, несмотря на это, Белозерова долго не давала себя уговорить. Только когда она окончательно поняла, что без этого невозможно счастье Элечки, они принялись обсуждать детали соглашения. За хорошо сделанную работу племянник давал тете десять тысяч долларов и помогал в мошенничестве с квартирой. Чтобы на врача ни в коем случае не упало подозрение, Анатолий за несколько

дней до операции, проникнув в шахту с электрическими проводами, дававшими больнице свет, установил там прибор собственной конструкции: прикрепил к нужным проводам мобильник с реле. Звонок на этот мобильник с другого приводил к тому, что пробки вылетали, как пробка из бутылки с шампанским, и свет гас. Из-за неравномерного распределения электроэнергии по городу такие случаи не являлись редкими, поэтому главврач не давал распоряжения вызвать бригаду электриков и послать их в шахту. Дело ограничивалось ввинчиванием пробок, с которым, в конце концов, стал справляться охранник. Перед началом операции Белозерова позвонила Анатолию. Тот выждал определенное время и сделал свой роковой звонок. Пока растерявшиеся ассистенты метались в поисках фонариков, а Егор мчался к щитку, гинеколог быстро (этот шприц уже лежал у нее в кармане) вколола нужную дозу алкалоида через капельницу в вену Клемма и развила бурную деятельность по ее спасению. Однако не зря говорят: убийство расходится кругами. Медкарта академика с имеющимися там электрокардиограммами послужила бы обвинительным приговором для Белозеровой. Пришлось украсть ее из архива и угостить бабу Зину чаем со смертельной дозой того же алкалоида. Зато дальше все пошло как по маслу. Огромная квартира Клемма вместе с десятью тысячами долларов досталась любимой дочери. Михаил, на всякий случай напуганный Анатолием, не замедлил жениться на ней. Молодые, вступив в права наследования, сразу переехали туда, и Анна Петровна осталась одна в старой большой квартире, с нечистой совестью. Первое время она совсем не могла спать. Каждый шаг на лестничной клетке, каждый шорох заставлял ее вскакивать и нервно ожидать звонка: ей казалось, что ее преступления раскрыты и за ней пришли. Корнийцу, с которым она регулярно вела беседы, удалось успокоить тетю: даже если у кого-нибудь когда-нибудь возникнет подозрение, разве можно все это доказать? Умные следователи предъявят обвинение только в мошенничестве с квартирой и будут догадываться о необычной и своевременной смерти ученой, однако на этом и остановятся. Если тетю привлекут за мошенничество, племянник обещал до конца своих дней помогать Михаилу и Эле. Взяв с него слово, врач успокоилась. Для нее это было важнее всего.

Глава 15

Киселев и Скворцов сидели в кабинете Павла и обсуждали план дальнейших действий. Собственно говоря, они не знали, что делать дальше. Белозеровой предъявили обвинение в мошенничестве (большого никто не мог доказать), а на убийстве Корнийца приходилось – временно или навсегда – поставить точку. Были опрошены все его знакомые, оперативники побывали в тех ресторанах и барах, завсегдатаем которых являлся потерпевший, и это не давало им никакой зацепки. Правда, одно обстоятельство казалось странным. Сыщикам удалось вычислить бизнес Анатолия Ивановича. Он имел долю в отеле «Золотое руно», не самом большом и дорогом в городе. При изучении недвижимости, принадлежавшей потерпевшему, и реальных доходов с доли получалась неувязка. Совладельцев отеля насчитывалось аж десять человек. Прибыль никак не давала потерпевшему возможности иметь три огромных загородных дома, две шикарные квартиры, не считая родительской, конечно, и почти миллионный счет в банке. Где погибший удесятерил состояние, оставалось пока неизвестным.

Глава 16

Он вышел из офиса и решительным шагом направился к стоянке автомашин. Сев на водительское сиденье, он нашарил кипу газет, лежавшую рядом, и включил свет в салоне, бегло просматривая прессу. На его счастье, о деле Корнийца уже давно не писали, разве только в связи с упоминанием какой-то его тетушки, совершившей с ним мошенничество с квартирой. Это его не интересовало. По его соображениям, милиция вообще не должна была выйти когда-либо на его след, и потому можно было безбоязненно приступить к следующему пункту намеченного плана.

Глава 17

Константин Скворцов уже готовился лечь спать, когда услышал ненавистный звонок. Определитель номера высветил мобильный Пашки Киселева.

– Надеюсь, ты еще не спишь? – ехидно спросил друг. – Собирайся. Кравченко выслал за тобой машину. У нас еще один труп.

Если имя Анатолия Корнийца ничего не говорило органам правопорядка, то второй потерпевший, Сергей Варин, был им хорошо известен. Нет, не то чтобы он сам совершил какое-нибудь порочащее его деяние. В этом смысле УВД не имело к нему претензий.

Однако его папаша, печально знаменитый врач-уролог Георгий Аркадьевич Варин, в свое время наделал в городе много шума. С некоторых пор Варин-старший стал считаться светилом в области урологии. Люди с больными почками желали оперироваться только у него. Больные не давали ему покоя, день и ночь обхаживая врача как в больнице, так и дома, готовые заплатить любую сумму, которую доктор с такой же готовностью называл. Неприятности начались у Варина с приходом в редакцию газеты «Вести Приреченска» одной женщины средних лет, утверждавшей, что врач вырезал у ее дочери здоровую почку. Трагедия принимала двойной характер, потому что девушке из-за операции пришлось прервать беременность и личная жизнь ее покатила под откос. Молодой муж, не желая жить с женщиной, которая вряд ли сможет иметь детей, тут же подал на развод. На работе ей постоянно грозили увольнением, объясняя это тем, что теперь она почти инвалид и не способна выполнять свои обязанности на все сто. Девушка впала в глубокую депрессию и грозила покончить с собой. Мать сначала отправилась в прокуратуру, но у нее не было никаких доказательств, кроме утверждений: да, дочь беспокоили почки, но это было обычное воспаление, перед замужеством ее смотрели в Санкт-Петербурге и ничего криминального не нашли. Вызванный Варин твердил свое: он обнаружил у пациентки другое заболевание – почечную ишемию, грозившую привести к смерти. Да, разумеется, он понимает, как тяжело матери смириться со всем этим, однако именно ему ее дочь обязана жизнью. Конечно, Варина отпустили. Но это был не первый случай обвинения врача. По городу поползли слухи. Скворцов хорошо помнил это время шестилетней давности. Он только окончил юрфак, и дело Варина стало его дебютом, причем ни к чему не приведшим. На одних слухах обвинения не построишь, и в органах махнули на него рукой. Константину поручили другое расследование, однако его не покидало чувство, что тут ничего не сделано и есть в чем покопаться. Но начальство считало иначе, тем более на месте Кравченко сидел полковник Заметов, уволившийся из органов по собственному желанию после совершения преступления. В управлении говорили: его не судили только потому, что он поступал умно и делился с кем надо. Возможно, и от Варина ему кое-что перепало. Естественно, в одиночку дела нормально не расследуются. Скворцов оставил врача в покое, с нетерпением ожидая фактов, позволивших бы возобновить начатое. Тогда лишь один человек был с ним солидарен: его соседка, журналистка «Вестей Приреченска» Катя Зорина. С этой девушкой Константин дружил с детства. Родители обоих ждали, когда детская привязанность перерастет в любовь, но ничего такого не случилось. Костю и Катю связывали другие интересы. Он всегда относился к ней как к своему парню, с которым можно разговаривать обо всем и который даст дельный совет. Порой Зорина восхищала Константина. Окончив журфак и поступив работать в «Вести Приреченска», девушка стала браться за самые сложные, однако самые животрепещущие темы. Именно благодаря ей милиция обезвредила маньяка-некрофила, работавшего санитаром в городском морге. Скворцов вспомнил, как милицию буквально наводнили письма от жильцов дома, стоявшего возле данного заведения: мол, ровно в полночь в морге устраиваются оргии. Заметов, читая послания, от души смеялся.

– Совсем из ума выжили, – сказал он как-то Пашке, – ну сходи проверь, как там дела, а то бабули не успокоятся.

Киселев направился туда. Все работники морга – от врача-патологоанатома до санитаров – уверяли: ничего такого у них не происходит. Ночью здесь дежурят санитары, вполне приличные молодые люди, собирающиеся поступать в медицинский институт, во время дежурства они готовятся к экзаменам, вполне нормально, что горит свет, но мертвецы спокойно почивают на своих лежаках. Павла это объяснение удовлетворило: он с трудом переносил покойников, умерших своей смертью, довольно спокойно разглядывая трупы убитых. Поэтому он сообщил результаты своего посещения Заметову, и тот приказал отправить жителям дома письмо, где написал: мол, спите спокойно, все проверено. Но те не успокоились и отправились в газету. За журналистское расследование взялась двадцатидвухлетняя Катя Зорина. С фотоаппаратом в руках она посетила морг ночью и стала свидетельницей страшной картины: молодой санитар, дежуривший в тот день, обклеил помещение порнографическими картинками, на полную мощность включил музыку, размалевал женские трупы и усадил с собой за стол, разыгрывая сцену ухаживания, а потом постелил на стол простыню и, кладя на нее мертвых женщин, принялся по очереди их насиловать, издавая стоны наслаждения. Фотоаппарат Зориной зафиксировал страшные кадры. На завтра парня забрали, а в газете появилась заметка «Ничего святого».

Константин также вспомнил еще несколько Катиных статей. Одно время на пустырях города стали появляться безголовые трупы хорошо одетых мужчин. Станислав Михайлович по головам, которые валялись тут же и были отрублены каким-то острым предметом вроде шашки, и по общему состоянию тел погибших сделал заключение: это бомжи. Возникал вопрос: кто и зачем одевал их в модную одежду, стриг, брил, мыл и кормил, а потом по пояс закапывал в яму и отрубал голову? Сначала Заметов с остервенением взялся за расследование, гоня подчиненных, как сусликов, потом почему-то поостыл, как-то заявив на оперативке:

- Ну их к чертям. Меньше бомжей – чище воздух.
- Но они люди, – попробовал возразить Павел.
- Уже не люди, – парировал начальник.

Вечером Константин обсуждал это с Катей, которая была в курсе происходящего: слухи порой распространяются по городу раньше, чем заводится дело.

– И вы это так и оставили? – удивилась девушка.

– А что нам оставалось, коль главный приказал? – пожал плечами Скворцов. – Мы не частные детективы, и у нас нет времени на самостоятельное расследование.

Зорину такой ответ не удовлетворил. Она затеяла свое расследование, закончившееся статьей «Сколько стоит жизнь бомжа».

«С недавних пор, – писала Катя, – на пустырях стали находить обезглавленные трупы бомжей, одетых, правда, в дорогие костюмы и тщательно выбритых. Это обстоятельство само по себе рождало интригу и звало к расследованию. Однако, немного посуетившись, наша доблестная милиция сложила оружие: мол, жизнь бомжа не стоит того, чтобы тратить на расследование его гибели силы и деньги. На это и рассчитывали организаторы подобных преступлений, решая таким образом свои проблемы и, возможно, приводя в оправдание те же аргументы: жизнь бомжа не стоит ничего. Однако перейдем к главному. Зачем эти существа все же кому-то понадобились? Каждый в своей жизни хоть раз, но одалживал деньги. Хорошо, если вам попался ответственный должник, вовремя возвративший все до копейки. А если нет, а сумма более чем солидная? Кто первый придумал такой способ взимания денег – к счастью для него, не попадет в историю, хотя шанс попасть в места не столь отдаленные сохраняется. Так вот, берется обыкновенный бомж, которого уговаривают поучаствовать в маленьком спектакле. Естественно, он соглашается. Для таких людей, вечно дрожащих от холода, голода и вшей, данное предложение – просто послание небес. Однако организаторы преследуют другую цель. Несчастного приводят в надлежащий вид: ведут в баню, парикмахерскую, магазин, где

покупают дорогой костюм и, наконец, в ресторан, чтобы подопечный наелся «от пуза», сажают в дорогую машину и везут на пустырь. Там их уже поджидает нерадивый должник.

– Вот, – говорят ему, указывая на бомжа, – срок его платежа истек давным-давно, наступил срок расплаты. Смотри внимательно, то же самое ждет и тебя, если не достанешь деньги в ближайшее время.

Ничего не подозревающего бомжа сажают в яму и на глазах у должника сносят голову. Должник, естественно, в ужасе. Деньги отдаются на следующий же день. А жизнь бомжа, получается, оценивается в стоимость костюма и обеда в ресторане. «Может быть, тут нет ничего из ряда вон выходящего? – скажет кто-то. – Без этих грязных, роющихся на помойках и потерявших человеческий облик созданий город станет чище?» Таким я отвечаю: «Побойтесь Бога». Только он вправе распоряжаться человеческой жизнью, только он знает ей настоящую цену».

Заметов был одним из первых, прочитавших заметку Катерины.

– Записывай, – кивнул он секретарше, – я даю опровержение.

Его опровержение опубликовали уже в следующем номере.

«Госпожа Зорина возомнила себя Агатой Кристи или ее героиней – мисс Марпл, – ехидно начинал полковник, – иначе она сначала бы посоветовалась с милицией, прежде чем публиковать подобную чушь. Не знаю, о чем думал главный редактор, публикуя такие опусы, но подозреваю, что о сенсации. Так вот, дорогие мои, никакой сенсации нет! Все написанное в статье от первого до последнего слова – чушь! Уважаемых граждан прошу успокоиться: мы продолжим заниматься этим делом и вовсе не сложили оружие, как информирует вас доморощенный детектив. А госпожу Зорину я лично предупреждаю: еще одна подобного рода статейка – и вы будете привлечены к уголовной ответственности за клевету».

Константин, прочитав творение своего начальника, немедленно бросился к Зориной, ожидая увидеть ее по меньшей мере расстроенной. Ничего подобного! Катерина сидела за компьютером и готовила очередной материал.

– Тебя не смутила статья Заметова? – поинтересовался Скворцов.

– Смутила? Меня? – рассмеялась девушка. – Это его смутила моя заметка. Иначе он бы и не вспомнил, что умеет написать хотя бы две строчки.

– И ты не собираешься просить прощения через газету? – удивился оперативник.

– Ты что, рехнулся? – Катя удивленно посмотрела на собеседника. – Конечно, не собираюсь. Поверь, это не плод моего воображения. Об этом мне рассказал человек, лично присутствовавший на подобного рода мероприятиях. Пока по известным тебе причинам я не могу назвать его имя. Однако сведения абсолютно точны, и можешь копать в этом направлении. Постараюсь сообщить тебе место и время следующего убийства.

Катин информатор действительно был в курсе данных дел. Благодаря ему жизнь следующего бомжа удалось спасти, но Заметов не принес извинений госпоже Зориной за недоверие к ее материалу и оскорбления, а о раскрытии дела вообще умолчали. Помощь журналистки еще раз пригодилась Константину, когда родители некой Анастасии Ротовой, обменщицы пункта валюты, заявили о ее пропаже. После работы девушка заглянула в самую престижную в городе парикмахерскую, сделала прическу, звякнула с мобильного домой, мол, ожидайте, и исчезла. Ее многодневные поиски ни к чему не привели. Ротова как в воду канула. Намеченный Скворцовым план поисков неизменно тормозился Заметовым. Однажды позвонившая Катерина объяснила причину:

– Вы не найдете ее живой, Костя, – уверенно сказала она. – Настя Ротова была любовницей Киргиза, правой руки Кажарского, давшей ему слово хранить верность до конца жизни. На свою беду, она встретила человека, не имеющего отношения к криминалу и предложившего ей руку и сердце. Киргиз не потерпел этого. Кстати, он славится своей особой жестокостью и любовью к расчленению.

Скворцов доложил об услышанном Заметову. Тот, как водится, высмеял его.

- Почему вы не хотите потрясти Киргиза? – удивленно спросил Константин.
- Потому что все сказанное тобой – чушь собачья, – немедленно отреагировал полковник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.